

Опубликовано: **История татар с древнейших времён в семи томах.**
Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.

С.К. Белых, Л.Д. Макаров (Ижевск)

НАСЕЛЕНИЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО КРАЯ В БУЛГАРСКОЕ ВРЕМЯ

Бассейн р.Чепцы в волжско-булгарскую эпоху

Согласно господствующему сегодня в археологии мнению, верхнее и среднее течение р.Чепцы (левого притока р.Вятки) было заселено земледельческим населением в конце V – первой половине VI вв. н.э., т.е. еще до появления в Среднем Поволжье булгарских племен [Семенов 1980; Генинг 1980; Голдина 1995 и др.] Сравнительно недавно А.Г.Ивановым было высказано предположение, что заселение верхней Чепцы могло начаться еще раньше – в конце IV – первой половине V вв. [Иванов 1999, с. 36, 52].

До недавнего времени в средневековой археологии бассейна Чепцы было практически единодушно принято выделять две последовательно сменяющие одна другую, генетически связанные, но все же различные археологические культуры (далее – АК) – *поломскую* (конца V – первой половины IX вв.) и *чепецкую* (второй половины IX – XIII / XV вв.) [Генинг 1958; 1962; 1967; 1990, с. 26; Семенов 1982; Иванова 1979, 1994; Голдина 1987; 1999, с. 342; Розенфельдт 1987 и др.]. К настоящему дню обнаружено уже более двухсот памятников этих культур, хотя следует отметить, что степень изученности памятников различна. [Иванов 1998, с. 17].

В последние годы А.Г.Ивановым обстоятельно аргументируется и активно отстаивается точка зрения, согласно которой более правомерно говорить не о двух, а об одной культуре. По его мнению, вышеупомянутые поломская и чепецкая АК должны рассматриваться как два хронологических этапа единой средневековой археологической культуры верхней и средней Чепцы V-XIII вв., которую предлагается именовать *поломско-чепецкой*. Для такого вывода имеются достаточно веские основания. Так, например, можно с уверенностью говорить, что не существует сколько-нибудь четкой хронологической границы между поломской и чепецкой АК; значительная часть поломских и чепецких памятников функционировали и в поломское и в чепецкое время; отсутствуют какие бы то ни было данные, свидетельствующие о кардинальной смене населения в позднеполомско-раннечепецкое время. Напротив, памятники поломской и чепецкой АК демонстрируют хронологическую, территориальную и культурную преемственность, и потому эти две АК действительно могут рассматриваться как два больших хронологических этапа одной культуры [Иванов 1994; 1998, с. 7, 14-15].

По мнению А.Г.Иванова и некоторых других исследователей, с самого начала в заселении бассейна Чепцы участвовали несколько культурных компонентов восточного и юго-восточного, прикамского происхождения: позднегляденский, харинский, мазунинский. Переселенцы проникали в верхнее течение Чепцы из бассейна средней и верхней Камы через ее правые притоки (рр. Сиву, Очер и др.) [Иванов 1998, с. 42]. Р.Д.Голдина полагает, что на верхнюю Чепцу переселенцы попадали непосредственно с верховьев р.Камы (т.н. Зюздинского края, совр. Афанасьевский р-н Кировской обл.) [Голдина 1987, с. 17-18; 1999, с. 364]. В середине – второй половине VI в. к переселенцам из Прикамья добавился еще и позднеазелинский (западный) компонент, проникший на верхнюю Чепцу с Вятки и низовьев Чепцы [Иванов 1998, с. 42]. Археологические материалы бассейна Чепцы V-VII вв. четко демонстрируют неоднородность и смешанность населения в культурном плане. В этот период на Чепце еще не появилось ни одного специфически чепецкого элемента культуры, и, вероятно, сама этническая общность чепецкого населения находилась в стадии формирования. Наиболее ранние известные памятники культуры локализируются двумя группами в верховьях

Чепцы на ее правом берегу – в районе д. Варни Дебесского р-на и с. Полом Кезского р-на Удмуртской респ. Сравнительная бедность чепецких археологических материалов V-VII вв. не позволяет достаточно полно характеризовать хозяйственный уклад данного населения. Предположительно можно говорить о том, что основой хозяйства чепецкого населения в этот период были подсечно-огневое земледелие и скотоводство. Существенную роль в хозяйстве играли собирательство, охота и рыболовство. Поломско-чепецкому населению были известны черная и цветная металлургия, производство лепной керамики, обработка кости и дерева, ткачество, прядение и, вероятно, бортничество.

В VIII-IX вв. произошел значительный прирост населения на Чепце, что выразилось, во-первых, в увеличении количества памятников в районах первоначального расселения (на верхней Чепце), во-вторых, в постепенном продвижении чепецкого населения вниз по реке. Таким образом, в данный период начинается активное освоение среднего течения р. Чепцы. В конце этого периода начинают функционировать наиболее крупные городища полемско-чепецкой культуры с мощным культурным слоем, расположенные, главным образом, в среднем течении р. Чепцы: Гурьякар, Весьякар, Иднакар, Дондыкар, Учкакар и др. Основой хозяйственного уклада чепецкого населения в этот период продолжает быть подсечно-огневое земледелие. Многочисленные находки костей домашних животных на памятниках этого времени свидетельствуют о развитом придомном животноводстве, основными домашними животными были лошадь и крупный рогатый скот. По-видимому, разведение мелкого рогатого скота и особенно свиней на Чепце было не столь популярно, ибо костей этих животных обнаружено значительно меньше. Достаточно развитое земледелие и животноводство в целом обеспечивали стабильное существование общества и поступательный прирост населения. Кроме этих двух основных видов хозяйственной деятельности существенную роль в жизни чепецкого общества продолжали играть собирательство, охота и рыболовство. В этот период намечается постепенное усиление роли промысла пушных зверей. На раскопанных поселениях этого времени кости пушных зверей составляют в среднем 50-70 % всех костей диких животных. С развитием пушного промысла связано и распространение в VIII-IX вв. на чепецких памятниках специальных тупоконечных наконечников стрел [Иванов 1998, с. 64].

Период X-XIII вв. может рассматриваться как эпоха наивысшего расцвета полемско-чепецкой культуры. В это время центром расселения чепецкой общности становится среднее течение р. Чепцы, где наблюдается наибольшая концентрация археологических памятников, в том числе и самых крупных городищ (см. выше). Эти городища археологи рассматривают как территориальные и ремесленно-торговые центры округи, которые в минуту военной опасности становились убежищами и оборонительными центрами местного населения, хотя нельзя упускать из виду и другую их очевидную функцию: совершенно очевидно, они служили своего рода факториями, центрами аккумуляции пушнины, служившей средством обмена и, возможно, дани. Вокруг каждого из городищ группировались неукрепленные селения. Помимо среднего течения самой Чепцы, активно осваивались и ее средние притоки как по правому, так и по левому берегу. Заметные изменения произошли в хозяйственном укладе чепецкого населения в X-XIII вв. Наряду с подсечно-огневой формой земледелия все возрастающее значение начало играть пашенное земледелие на очищенных от леса землях. Чепецкое население в X-XIII вв. имело довольно развитое животноводство. В стаде преобладали лошади и крупный рогатый скот. Значительных успехов в этот период достигли цветная и черная металлургия чепецкого населения. Предполагается, что продукция литейного и кузнечного производства не только удовлетворяла местные потребности, но и могла выступать в качестве объекта торговли и натурального обмена. На чепецких городищах появилось собственное ювелирное производство из драгоценных металлов: серебряные гривны т.н. «глазовского типа», серебряные калачевидные серьги, височные подвески, украшенные зернью и сканью и др.

Важнейшим видом хозяйственной деятельности в X-XIII вв. становится охота на пушного зверя, ибо именно меха, по всей видимости, становятся основным товаром, который предлагало чепецкое население в торговом обмене с соседями. Естественно, основным по-

требителем их была Волжская Булгария, причём не исключено, что меха попадали туда путём сбора дани с местного населения, важную роль в этом и должны были играть чепецкие городища-фактории. Osteологический материал с поселений, датируемый этим периодом, однозначно свидетельствует о хищническом истреблении пушных животных, в особенности бобра, т.к. весьма значительную часть костных останков пушных животных составляют кости молодых неполовозрелых особей [Иванов 1998, с. 122] – подобное скорее следует объяснять не обычной торговлей, а по крайней мере чрезвычайно обострёнными потребностями в ней, а возможно и необходимостью выплаты дани.

Материалы археологических раскопок показывают, что в X-XIII вв. чепецкое население активно включается в торговый обмен и другие экономические взаимоотношения с соседями. Основным торгово-экономическим партнером чепецкого населения в этот период была Волжская Булгария. На археологических памятниках бассейна р.Чепцы этого времени обнаружено значительное количество предметов болгарского производства. Кроме того, в болгарском импорте в бассейн Чепцы заметную роль играли изделия арабского, персидского, византийского и другого (неболгарского) происхождения, т.е. Волжская Булгария была важнейшим звеном в транзитной торговле между странами Востока, Европы и лесной зоной Восточной Европы.

В чепецком археологическом материале X-XIII вв. в довольно большом количестве встречаются медные и серебряные монеты, чеканенные в Средней Азии, Персии, на арабском Востоке. В этот же период в бассейн Чепцы поступали византийская и восточная серебряная посуда и украшения из драгоценных металлов [Иванов 1998, с. 128-129]. Собственно болгарский импорт в археологическом материале представлен на Чепце ювелирными изделиями из серебра, часто с позолотой, которые обильно украшены сканью и зернью [Иванов 1998, с. 131-133]. Обнаружение на городище Иднакар отливки подобного украшения в поврежденной литейной форме [Иванова 1992, с. 75], а также литейной формы для производства подвесок болгарского типа на Кушманском городище [Иванова 1976, с. 105-106] является надежным свидетельством того, что часть ювелирных изделий болгарских типов могла изготавливаться на самой Чепце.

Среди других предметов импорта, которые в X-XIII вв. попадали на Чепцу из Волжской Булгарии или через болгарское посредство, можно назвать замки и ключи к ним болгарского или древнерусского производства [Генинг 1962; Иванов 1998, с. 134], многочисленные бусы ближневосточного, среднеазиатского, византийского, древнерусского и другого происхождения [Иванова 1992: 48, 72], дорогие византийские и среднеазиатские ткани [Иванов 1998, с. 135-136] и другие изделия.

Весьма любопытен и показателен факт, что на чепецких поселениях X-XIII вв., наряду с местной лепной посудой, обнаружено довольно значительное количество болгарской керамики. Особенно велика доля фрагментов болгарской керамики в слоях XII-XIII вв. на наиболее крупных городищах, таких как Иднакар, Гурьякар и др. Так, например, в верхних слоях (XII-XIII вв.) городища Иднакар доля болгарской керамики достигает 23,4-33,7 % от всей найденной керамической посуды [Иванова 1990, с. 118-120]. Именно массовость находок болгарской посуды на крупных чепецких городищах позволила некоторым исследователям предположить, что в них могло проживать либо временно, либо даже постоянно болгарское население [Иванов 1998, с. 140]. Учитывая резко возросшую на Чепце в эту эпоху добычу пушного зверя, логично было бы предположить, что основную часть болгар, живших на Чепце, составляли торговцы, а возможно – и сборщики дани, учреждавшие здесь свои фактории по закупке и сбору пушнины и других местных товаров.

В целом, есть все основания считать, что в X-XIII вв. верхняя и средняя Чепца, наряду с большей частью Камско-Вятского региона, находилась в сфере экономического, культурного и политического доминирования Волжской Булгарии и, вероятно, рассматривалась булгарами как северная периферия их государства, игравшая роль его сырьевого придатка, прежде всего, поставщика пушнины. Связи чепецкого населения с Волжской Булгарией были столь прочны, что даже после разгрома Булгарии монгольским нашествием, они не

прекратились сразу и совсем, хотя и должны были серьезно ослабнуть. В пользу этого говорят, в частности, находки болгарских изделий, датируемых XIV в., на чепецких памятниках [Иванов 1998, с. 141], а также обнаружение болгарского каменного надгробия с мусульманской эпитафией в д. Гордино (Гурьякар) Балезинского р-на Удмуртской республики, датируемого 1323 годом.

Вторым по интенсивности и значению культурным и экономическим влиянием на чепецкое население следует признать славяно-русское воздействие. Наиболее ранние древнерусские вещи в археологическом материале бассейна Чепцы датируются XI-XII вв., что вполне согласуется с данными письменных источников о начале в этот период торгово-экономической и политической экспансии Великого Новгорода и древнерусских княжеств в районы Повычегодья, Прикамья и Урала. Первые древнерусские поселения на средней Вятке появляются на рубеже XII-XIII вв. Характерно, что в материале XII-XIII вв. количество древнерусских предметов на чепецких памятниках резко возрастает. Основными предметами древнерусского импорта были украшения, ткани, разнообразная домашняя утварь и др. [Иванов 1998, с. 166]. Все эти вещи передавались жителям Чепцы в обмен на местные товары, в первую очередь, на пушнину. Характер взаимоотношений между обитателями Чепцы и вятским славянским населением в конце XII – XIII вв., по-видимому, колебался от мирных торговых связей, до грабительских набегов со стороны вятчан.

В то же время находки на чепецких памятниках древнерусской керамики (городище Иднакар), славянских языческих и православных культовых предметов могут, по мнению Л.Д.Макарова, свидетельствовать о появлении переселенцев-славян непосредственно в бассейне Чепцы. Л.Д.Макаров полагает, что эти находки говорят о превалировании мирных контактов между славянами и чепецким населением [Макаров 1999, с. 115-116; 2001а, с. 22-38].

В XIII в. подавляющее большинство чепецких памятников прекращает функционировать. Причины этого практически все исследователи видят в драматических и трагических событиях, постигших народы и государства Восточной Европы в эпоху монгольского нашествия и основания Золотой Орды. Конкретные же причины гибели чепецкой культуры разными исследователями видятся по-разному. Р.Д.Голдина, например, полагает, что чепецкие городища и другие поселения были сметены с лица земли самим татаро-монгольским нашествием [Голдина 1999, с. 374], чему фактических доказательств нет. А.Г.Иванов считает возможной причиной гибели чепецкой культуры походы вятчан на Чепцу в XIII-XIV вв. [Иванов 1998, с. 170]. Нельзя однако не заметить, что период угасания чепецкой культуры чётко совпадает со временем монгольского разгрома Волжской Булгарии. Падение этого экономического и политического центра, связи с которым имели важнейшее значение и, весьма вероятно, были основой для развития чепецких городищ, естественно могло и должно было привести к их гибели.

По мнению Р.Д.Голдиной, оставшаяся после нашествия часть чепецкого населения покинула бассейн Чепцы и переселилась на Верхнюю Каму (в зюздинский край), хотя исследовательница считает вероятным, что некоторое количество носителей чепецкой АК не покинуло эту территорию, а сменила тип расселения, рассредоточившись небольшими группами в более отдаленных районах чепецкого бассейна [Голдина 1999, с. 374-375]. Действительно, нельзя исключать некоторый отток населения со средней и верхней Чепцы в другие районы в XIII в., однако, следует полагать, что по крайней мере какая-то часть носителей чепецкой (поломско-чепецкой) АК не покинула бассейна Чепцы, а лишь оставила прежние городища и другие постоянные поселения, ставшие в условиях отсутствия стабилизирующей болгарской силы слишком легкой добычей для разного рода захватчиков и грабителей. Можно предположить, что жители верхней и средней Чепцы, рассредоточившись, стали жить небольшими группами, разбросанными по более удаленным и укромным районам чепецкого бассейна. Главным хозяйственным занятием этих людей стало подсечно-огневое земледелие, и посему они должны были часто переселяться из одного района в другой, постоянно менять места своих сельскохозяйственных угодий и поселений.

Прекращение существования и функционирования большинства чепецких памятников в XIII в. было, таким образом, следствием разорения Волго-Уралья, и прежде всего Волжской Булгарии монгольским нашествием. Падение Волжской Булгарии означало конец периода относительной политической стабильности в Волго-Уральском регионе, ибо это государство было, по сути дела, важнейшим политическим, экономическим и культурным центром региона, существование и благополучие которого обеспечивало стабильность и благополучие всего Волго-Уралья в целом. Симптоматичен, в этой связи, тот факт, что своего наивысшего подъема и расцвета культура чепецкого населения достигает именно в период подъема и расцвета Волжской Булгарии – в X-XIII вв., а прекращает свое существование практически одновременно с падением этого государства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об этнической принадлежности полумско-чепецкого населения. Хотя он остается дискуссионным, все же можно констатировать, что большинство исследователей, занимающихся изучением средневековой археологии Камско-Вятского региона, склоняется к определению этнической принадлежности носителей полумско-чепецкой АК как пермской, т.е. полумско-чепецкое население рассматривается ими в языковом и этническом плане как родственное и, возможно, имеющее прямое отношение к современным удмуртам и коми (см. напр. [Генинг 1967; Голдина 1987; 1999; Семенов 1989; Иванова 1989; 1994 и др.]). Предположение, выдвинутое А.Х.Халиковым, о «древнетюркской» этнической принадлежности носителей полумской и ломоватовской АК [Халиков 1989, с. 48] не встретило поддержки у большинства его коллег по причине его явно недостаточной аргументированности (критику гипотезы А.Х. Халикова см. напр. в [Belykh 2002, p. 35-36]).

Необходимо особо отметить, что надежная этническая идентификация носителей тех или иных археологических культур с опорой исключительно на археологические материалы как правило затруднительна, а порой и просто невозможна. Гораздо более убедительными бывают результаты исследования этнической истории различных регионов и этнической принадлежности носителей различных АК, основанные на комплексном подходе с использованием данных, выводов и достижений сразу нескольких дисциплин: археологии, лингвистики, этнологии, физической антропологии и др. Подобное исследование некоторых аспектов этнической истории Волго-Уралья, касающееся в том числе и этнической идентификации полумско-чепецкого населения было относительно недавно предпринято С.К.Белых [Белых 1999; Belykh 2002].

Основываясь на комплексном анализе материалов и выводов археологии, сравнительно-исторического языкознания и лингвистической палеонтологии С.К.Белых локализовал прародину пермян в Среднем Прикамье и пришел к заключению о том, что среди сформировавшихся в Прикамье в постананьинское время археологических культур с наибольшей вероятностью с общностью *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов и коми, может быть связана *гляденовская* АК (III в. до н. э. – V в. н. э.) Среднего и Верхнего Прикамья, а также генетически связанные с ней и происходящие от нее в последующее время *полумская* (на р. Чепце), *ломоватовская* (на верхней Каме) и *неволинская* (в бассейне р. Сылвы) АК (V-IX вв.). Близость трех последних культур, наряду с некоторыми данными пермского языкознания, позволяет заключить, что и в полумско-ломоватовскую эпоху распада прапермской этноязыковой общности еще не произошло. Тем не менее, возможно и даже вполне вероятно в этот период начало этнокультурной и, вероятно, языковой дифференциации различных частей прапермского массива, вызванной постепенным расширением территории расселения эндопермян, а также их контактами с различными соседними этническими группами и различными суб- и суперстратными компонентами, участвовавшими в формировании тех или иных прапермских племенных групп.

С приходом в VIII веке в Среднее Поволжье болгар и последующим сложением первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии – в жизни прикамских пермян произошли очень важные для их дальнейшей истории события. В период VIII-X вв. многие группы пермян мигрировали на значительные расстояния от своей исторической ро-

дины. Видимо, именно в это время часть эндопермян перебралась в бассейн р. Вычегды и некоторые сопредельные районы, где в X-XI вв. сложилась культура Перми Вычегодской (*вымская АК*). Эта часть прапермского населения послужила в дальнейшем основой для формирования коми-зырян. Другая часть эндопермских родоплеменных групп, возможно под болгарским принуждением или иным воздействием, переселилась на Нижнюю Каму, Нижнюю и Среднюю Вятку. Смешение и многовековое взаимодействие этой части эндопермян с местным постазелинским и другим населением привели в итоге к формированию удмуртского народа. Оставшиеся на Верхней Каме эндопермяне, создавшие *родановскую АК* X-XV вв., послужили основой для формирования коми-пермяцкого народа.

Следует полагать, что потомки полемско-чепецкого населения сыграли существенную роль в формировании удмуртской народности, в особенности ее северной (чепецкой) субэтнической группы. В противном случае трудно объяснить тот факт, что вплоть до рубежа XIX-XX вв. у северных удмуртов были широко распространены героические предания о богатырях Донды, Идна, Гурья, Весья и др., в которых эти имена напрямую связывались с названиями деревень, рядом с которыми обнаружены средневековые городища полемско-чепецкого времени – Дондыкар, Иднакар, Гурьякар, Весьякар и т.д.

В то же время важно отметить, что именовать чепецкое население V-XIII вв. удмуртами, как это делают некоторые исследователи, все же нельзя. Во-первых, нам неизвестно самоназвание этого населения, и тем более неизвестно, что эти люди называли себя удмуртами. Во-вторых, между финалом чепецкой культуры (XIII в.) и первыми письменными упоминаниями об удмуртах на Чепце (XVI в.) имеется значительный временной пробел – около 300 лет, очень слабо заполненный и археологическими памятниками. Поэтому археологически невозможно проследить непосредственную связь между полемско-чепецкой АК и северными удмуртами.

Здесь нужно особо заметить, что механический перенос в прошлое современной этнонимической номенклатуры, а именно применение названий современных народов для обозначения носителей тех или иных археологических культур является довольно распространенной методологической ошибкой. В данном случае речь идет о том, что сплошь и рядом носителей полемской и чепецкой культур именуют удмуртами, а иногда – коми-пермяками. Иначе как методологически некорректным этот прием назвать нельзя. Вернее и корректнее в этом конкретном случае говорить о том, что потомки носителей полемско-чепецкой АК сыграли определенную роль в формировании северной (чепецкой) группы удмуртов и потому являются **предками** северных удмуртов.

Юг Камско-Вятского междуречья в домонгольскую эпоху

Раннесредневековые археологические памятники юга Камско-Вятского междуречья, обнаруженные, главным образом, в южной части Удмуртской республики и некоторых сопредельных районах Татарстана, объединяются Т.К.Ютиной, Р.Д.Голдиной и некоторыми другими исследователями в особую *верхнеутчанскую АК* (VI-IX вв.) На сегодняшний день известно около 100 таких памятников, располагаются они, в основном, по правым притокам Камы – рр. Ижу, Тойме и др., а также в верховьях р.Валы, левого притока р.Кильмези [Ютина 1994, с. 14; Голдина 1987, с. 20; 1999, с. 283]. Впрочем, многие археологи обоснованно возражают против выделения особой верхнеутчанской культуры, они характеризуют данные памятники как оставленные разнородным в культурном и, вероятно, в этническом отношении населением, что вызывает большие сомнения в правомерности объединения этой группы памятников в отдельную археологическую культуру [см. напр. Останина 1997, с. 179].

Памятники этого региона, датируемые X-XIV вв., Р.Д.Голдина объединяет под названием *чумойтлинская АК* [Голдина 1999, с. 297]. В то же время она вынуждена признать, что самих этих памятников пока что обнаружено очень немного и исследованы они еще явно

недостаточно. Все это также заставляет усомниться в правомерности или, по крайней мере, своевременности выделения особой чумойглинской культуры.

Как уже отмечалось выше, археологический материал VI-IX вв. (верхнеутчанская АК, по Т.К.Ютиной и Р.Д.Голдиной) ярко демонстрирует крайнюю свою разнородность и многокомпонентность. Особенно хорошо это видно на примере найденной на памятниках керамики. Т.К.Ютина и Р.Д.Голдина выделяют несколько комплексов глиняной посуды: «*собственно верхнеутчанский*», являющийся, по сути дела, продолжением мазунинской керамической традиции; *бахмутинский*, проникший на правобережье нижней Камы с территории Башкирии в VI в.; *именьковский*, проникший из районов Среднего Поволжья и низовьев Камы и оставивший многочисленные следы на 14 памятниках; *кушнареноквский*, выдвинувшийся из бассейна р.Белой и обнаруженный на 9 памятниках в юго-восточной части «верхнеутчанского» ареала [Ютина 1994, с. 9-10; Голдина 1999, с. 285-290]. Важно заметить, что в каждом конкретном случае речь идет не о единичных, а о массовых находках. Это обстоятельство позволило Р.Д.Голдиной заключить, что бахмутинская, именьковская и кушнареноквская керамика проникала на юг Камско-Вятского междуречья вместе с носителями соответственно бахмутинской, именьковской и кушнареноквской АК [Голдина 1999, с. 285, 289].

Археологические материалы средневековых памятников юга Удмуртии свидетельствуют, что оставившее их население занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Ему были известны кузнечное дело, бронзолитейное производство, деревообработка и другие виды хозяйственной деятельности. Основой хозяйства, по всей видимости, было подсечно-огневое земледелие, роль которого постепенно усиливалась. Важнейшими возделывавшимися сельскохозяйственными культурами в Прикамье и на Вятке еще в первой половине I тыс. н.э. стали полба, просо, ячмень, конопля. С появлением в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье пришлого населения, оставившего памятники *именьковской* археологической культуры (IV-VII вв. н.э.) связано распространение в бассейнах Камы и Вятки новых сельскохозяйственных культур: пшеницы, ржи, овса и гороха. Средневековое скотоводство Вятско-Камского региона было представлено разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. И здесь именьковское влияние сыграло заметную роль в улучшении породы домашних животных. По всей видимости, именно от именьковцев туземное население Прикамья заимствовало и домашнюю кошку [Голдина 1999, с. 254-256]. Именьковское культурное влияние благотворно отразилось также и на развитии кузнечного и бронзолитейного производства местного населения [Голдина 1999, с. 289].

В эпоху появления болгар в Среднем Поволжье (VIII в.) и сложения первого в Волго-Уральском регионе государственного образования – Волжской Булгарии (рубеж IX-X вв.) в нижнекамском районе происходят значительные перемены. К и без того пестрому в культурном и, вероятно, этническом плане населению бассейна нижней Камы в VIII-X вв. прибавляется еще один компонент. Археологи отмечают, что в эту эпоху на нижней Каме и некоторых сопредельных районах появляются элементы материальной культуры, присущие более северному населению – носителям полемско-чепецкой, ломоватовской и неволинской АК. Приток этого населения на территорию Волжской Булгарии и в соседние с ней районы был, по археологическим материалам, столь значительным, что на некоторых раннебулгарских памятниках керамика полемско-ломоватовского типа количественно преобладает над собственно болгарской [Хлебникова 1984, с. 223-224]. Основываясь на анализе вещевого материала данных раннебулгарских памятников, А.М.Белавин пришел к заключению о том, «...что основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Булгарии, были неволинские племена» [Белавин 1990, с. 125-126]. Вещевой материал памятников южной Удмуртии X-XIV вв. (чумойглинская АК, по Р.Д.Голдиной) наглядно демонстрирует приток части верхнекамско-чепецкого населения и в этот регион [Голдина 1999, с. 303-304].

О причинах данного переселения части носителей культур ломоватовского круга на юг и юго-запад мы пока что можем только догадываться. В одной из своих работ В.А.Иванов осторожно намекает на возможную связь этой миграции с необходимостью для формирую-

щегося болгарского государства укреплять свою экономическую и политическую мощь за счет притока населения со стороны [Иванов В. А. 1990, с. 115]. Р.Д.Голдина, высказав сомнения, что данное переселение было добровольным, видит его возможную причину в том, что «...кочевники-булгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания предприняли несколько попыток переселения пермского населения: сначала с южной части ломоватовской культуры (вторая половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р.Чепцы (вторая половина IX в.), из кунгурской лесостепи (IX в.)» [Голдина 1999, с. 295].

В.Ф.Генинг и, вслед за ним, А.Г.Иванов считают возможным предполагать, что ломско-ломоватовско-неволинское население насильственно выводилось булгарами со своей первоначальной территории во время набегов на чепецкие, верхнекамские и сылвинские земли [Генинг 1988, с. 222; 1989, с. 13; Иванов 1997, с. 15; 1998, с. 108].

По мнению Л.Д.Макарова (устное сообщение), одной из причин этой миграции чепецко-верхнекамского населения могли быть демографические проблемы, т.е. определенная перенаселенность бассейнов Чепцы, Верхней Камы и Сылвы, совпавшая по времени с уходом из района Нижней Камы именьковского населения на запад. В такой ситуации освободившиеся, кстати, довольно плодородные земли, могли охотно заниматься переселенцами с Чепцы, верхней Камы и Сылвы. При этом булгарам было совершенно необязательно прибегать к насилию, достаточно было лишь известить об освободившихся земельных угодьях северных соседей, и последние могли вполне добровольно перебраться на новые земли.

Такого рода предположения выглядят вполне правдоподобными, т.к. совершенно очевидно, что кочевники-булгары, в ходе строительства своего молодого государства нуждались в оседлом земледельческом населении, достаточно многочисленном и способном стать одной из важных экономических и социальных опор государства. В свою очередь, верхнекамско-чепецкое население могло видеть в нарождающемся болгарском государстве торгового партнера, защитника от набегов враждебных соседей и гаранта политической стабильности в регионе, потому вполне могло считать для себя более выгодным селиться в непосредственной близости от городских центров Волжской Булгарии. В независимости от того, было ли данное переселение добровольным или насильственным, в любом случае, невозможно совершенно отрицать связь между появлением в Среднем Поволжье булгар и становлением их государственности с упомянутыми миграциями чепецко-верхнекамского населения.

По данным Р.Д.Голдиной среди «чумойтлинской» керамики обнаружено некоторое количество болгарской посуды, что может свидетельствовать о торговых контактах местного населения с Волжской Булгарией. Однако, археологический материал «чумойтлинской» АК, в силу своей слабой изученности, не позволяет пока говорить о наличии в этом регионе в данную эпоху болгарских торговых факторий или других постоянных поселений [Голдина 1999, с. 304], в то время как такие фактории имелись на Чепце и верхней Каме [Мухамедова 1978, с. 7; Иванов 1998, с. 140; Белавин 1991, с. 9-10]. В качестве возможного объяснения этому факту можно также выдвинуть предположение, что волжские булгары и не нуждались в такого рода постоянных поселениях в южной части Камско-Вятского междуречья, ибо этот район находился в непосредственной близости от основной территории Волжской Булгарии, в отличие от более удаленных верхнекамского и чепецкого районов.

Не вызывает сомнений, что в большинстве случаев предметы роскоши, серебряная утварь, украшения, монеты и другие предметы импорта из Византии, Северного Причерноморья, Сирии, Кавказа, Средней Азии и других регионов, обнаруженные на средневековых поселениях и могильниках Прикамья [Голдина 1999, с. 256] уже с IX-X вв. попадали сюда через болгарское посредство.

Культурное и экономическое воздействие булгар на коренное население Прикамья не ограничивалось лишь торговлей. Ощутимым было и растущее болгарское влияние на развитие местного земледелия. Через болгарское посредство, вероятно, местному населению стали известны такие сельскохозяйственные культуры как гречиха, вика, лен, чечевица, редька, репа, лук, яблоко и др. Важнейшую роль сыграло болгарское культурное влияние в рас-

пространении в Прикамье на рубеже I-II тыс. н.э. пашенной формы земледелия [Голдина 1999, с. 379].

Не вполне ясным остается вопрос об этнической принадлежности населения юга Камско-Вятского междуречья в VI-XIV вв. – носителей «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» АК, по Т.К.Ютиной и Р.Д.Голдиной. Несмотря на явную этнокультурную пестроту населения данного региона в данную эпоху, Р.Д.Голдина считает возможным полагать, что основная часть этого населения была пермской, а его потомки сыграли важную роль в сложении южной группы удмуртов [Голдина 1999, с. 304-306].

В то же время следует заметить, что между самыми поздними «чумойтлинскими» памятниками (не позднее XIV в.) и собственно южноудмуртскими памятниками (с XVII в.) существует временной разрыв длительностью около трех столетий. Данное обстоятельство затрудняет провозглашение прямой и непосредственной преемственности между носителями «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» АК и южными удмуртами.

В целом, археологические материалы свидетельствуют о том, что в эпоху раннего и развитого средневековья южная часть Камско-Вятского междуречья была своеобразной контактной зоной, в которой проживали и взаимодействовали между собой самые различные в этническом и культурном отношении группы населения. Весьма вероятно, что среди этих групп были и пермоязычные. С.К.Белых [1999, с. 270] полагает, что в населении, оставившем данные памятники можно видеть *парапермские* группы, т.е. те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от *эндопермян* (см. ниже), были впоследствии ассимилированы либо последними, либо каким-то другим родственным или неродственным по языку населением, а также, возможно, *экзопермские* группы, т.е. те непермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории пермской общности.

На рубеже I и II тыс. н.э. на эти парапермские, экзопермские и прочие группы населения наложился еще и пришлый чепецко-верхнекамский компонент, в носителях которого С.К.Белых предлагает видеть *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков, послуживших основой для формирования трех этих пермских народов [Белых 1999, с. 271-272]. Детали взаимодействия этих компонентов между собой пока еще неясны, однако, можно резюмировать, что в результате этого процесса к XVII в. в основном сложились группы удмуртов, населяющих южные районы Удмуртии и северо-восточные районы Республики Татарстан.

Бассейн р. Вятки в домонгольскую эпоху

Совокупность археологических памятников бассейна средней и нижней Вятки, верховьев рр. Большой и Малой Кокшаги, верховьев р. Ветлуги второй половины I тыс. н.э. в последнее время выделяется Р.Д.Голдиной в качестве самостоятельной *еманаевской* АК (VI-IX вв.) [Голдина 1987, с. 22-23; 1999, с. 311]. Принято считать, что по своей сути еманаевская АК является прямым продолжением *азелинской* АК III-V вв. н.э., выделенной на Вятке еще в 1960-70-е гг. В.Ф.Генингом [1963; 1970]. Несколько позже Р.Д. Голдина значительно расширила временные рамки этой последней культуры и предложила именовать ее *худяковской* АК II в. до н.э. – V в. н.э. [Голдина 1987, с. 13-14; 1999, с. 227].

Памятники, обнаруженные на средней и нижней Вятке X-XIII вв. объединяются Р.Д.Голдиной в рамках *кочергинской* АК, которую исследовательница считает преемницей предшествующей еманаевской АК. По ее данным в эту эпоху продолжала функционировать значительная часть городищ и других памятников еманаевского времени, однако их юго-западная часть пришла в запустение [Голдина 1999, с. 325]. Последний факт может рассматриваться как свидетельство притока нового населения в Вятско-Ветлужское междуречье и начала серьезных изменений в этническом составе населения этого региона на рубеже I-II тыс. н.э. (см. ниже).

Основные особенности хозяйственного уклада населения средней и нижней Вятки, а также Вятско-Ветлужского междуречья эпохи раннего и развитого средневековья начали формироваться еще в первой половине I тыс. н.э., в эпоху худяковской АК (по Р.Д.Голдиной). Именно в этот период, в частности, лидирующее положение в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия заняло железо, а бронза стала использоваться, в основном, в производстве украшений. Среди исследователей археологии данного региона (Р.Д.Голдина, Н.А.Лещинская, Л.Д.Макаров, С.Е.Перевошиков и др.) бытует мнение, что в эту эпоху на Вятке металлообработка становится высокоспециализированным ремеслом. Об этом, по мнению вышеупомянутых археологов, свидетельствуют материалы вятских поселений и могильников первой половины I тыс. н.э. Так, например, на Буйском городище в яме II-III вв. н.э. был обнаружен клад железных и бронзовых вещей, включающий 186 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен, что может свидетельствовать о начале массового производства данных предметов для дальнейшей продажи или обмена. О выделении металлообработки в специализированную и весьма востребованную отрасль ремесла свидетельствует обнаружение на нескольких могильниках особых погребений кузнецов и литейщиков [Голдина 1999, с. 254-255; Перевошиков 2002, с. 34-35].

Находки железных топоров, мотыг, пестов-тёрочников, каменных жерновов, остатков зернового материала, известные в бассейне Вятки этого времени, демонстрируют возросшую роль земледелия, которое, по всей видимости, носило подсечно-огневой характер. Основными сельскохозяйственными культурами в первой половине I тыс. н.э. на Вятке были полба, просо, ячмень, конопля. В то же время, несмотря на растущую роль земледелия, хозяйство вятского населения продолжало оставаться комплексным, наряду с земледелием значительную роль играло скотоводство с разведением лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, сохраняли свое значение охота (прежде всего, специализированная охота на пушного зверя – соболя, куницу, белку, бобра), рыболовство и собирательство. [Голдина 1999, с. 255-256].

Процессы поступательного хозяйственного развития в Вятском бассейне еще более усилились в период раннего средневековья. Во многом это ускоренное развитие связано с мощным культурным влиянием, оказывавшимся на туземное население Волго-Камья, в целом, и населения бассейна р.Вятки, в частности, пришлыми группами, оставившими в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье памятники так называемой *именьковской* АК (IV-VII вв. н.э.). Известно, что именно именьковцы в дополнение к традиционным сельскохозяйственным культурам принесли в Прикамье новые высокоурожайные виды и сорта злаков – пшеницу, рожь, овес, а также горох. Именьковцы также впервые занесли в Прикамье новый прогрессивный способ обработки земли – пашенное земледелие. Заметным было и именьковское воздействие на хозяйство вятского населения в области животноводства. От именьковцев население Вятского бассейна заимствовало более продуктивные и рослые породы скота [Голдина 1999, с. 379-380].

Интересно соотношение домашних животных в стаде населения раннесредневековой Вятки, выявляемое по результатам археологических раскопок. Так на Еманаевском городище VII-X вв. зафиксировано абсолютное преобладание домашней свиньи (58,8 % особей), гораздо меньше разводили коров (15,7 %), лошадей и мелкий рогатый скот (по 11,8 %) [Лещинская 1988, с. 103-104; Голдина 1999, с. 380]. Эти данные разительно отличаются от соответствующих показателей чепецких поселений (см. выше раздел «Бассейн р.Чепцы в волжско-булгарскую эпоху»), где явно преобладало разведение коров (около 48 %) и лошадей (более 31,4 %), а мелкого рогатого скота и особенно свиней было гораздо меньше (около 14,5 % и чуть более 2 % соответственно) [Голдина 1999, с. 380.]. Улучшение породности скота было связано, вероятно, не только с именьковским, но и более поздним булгарским влиянием, а также со стихийно проводившейся селекционной работой. Из прочих домашних животных местному населению в средние века были известны кошка, собака, домашняя птица (куры и гуси).

Значительную роль в хозяйстве еманаевско-кочергинского населения играла и охота. Активно добывались лось, северный олень, бобр, косуля, медведь [Лещинская 1988, с. 103-104]. Практиковалась также и охота на диких птиц: уток, гусей, глухарей, тетеревов, рябчиков и др. О развитом рыболовстве говорят находки здесь рыболовной снасти (крючков, блёсен), костей и чешуи рыбы [Голдина 1999, с. 381].

Продолжало развиваться ремесленное производство еманаевско-кочергинского населения. В раннем средневековье на Вятке возникают специализированные поселки ремесленников, одним из которых было Еманаевское городище (VII-X вв.). Здесь на сравнительно небольшой площадке (1500 кв. м.) обнаружено два сооружения, имевших приблизительную площадь по 100 кв. м., на которых концентрировались остатки металлообрабатывающих комплексов: кострища, куски глиняной обмазки, шлаки, многочисленные металлические обломки (655 шт.), множество целых льячек для разлива цветного металла (67 шт.), 221 фрагмент и 29 целых тиглей, литейные формы, обломок глиняного сопла, инструменты и готовые металлические изделия [Макаров 1978, с. 22-23; Лещинская 1988, с. 79-107]. Анализ черного металла городища показал довольно высокий уровень его проковки, выявлено использование кузнецами сложных сварных технологий, в частности, трехслойного пакета, а также целенаправленное применение термообработки. В обработке металлов наблюдается большое сходство с технологией именьковцев, что может говорить о наличии устойчивых связей вятского населения с Нижним Прикамьем [Перевошиков 2002, с. 66-71]. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Вихаревском селище [Лещинская 1984, с. 41-43]. Отмечены также признаки развитых деревообрабатывающего и костерезного ремесел.

Дальнейшее развитие получили прямые и опосредованные торговые связи вятского населения как с соседними регионами (бассейном р.Чепцы, Верхней Камой, Вычегодским краем, Поветлужьем, Марийским Поволжьем), так и с более удаленными землями (Верхним Поволжьем, Приладожьем, Белозерьем, Прибалтикой, Поднепровьем, Северным Причерноморьем, Кавказом и др.) [Голдина 1999, с. 384-393]. Можно полагать, что с рубежа I-II тыс. н.э. одним из важнейших торговых партнеров для населения бассейна р.Вятки становится Волжская Булгария.

Предполагается, что в данную эпоху углублялась социальная дифференциация у населения Вятского бассейна, особенно усилившаяся после IX в., когда по соседству с этим краем возникли государственные образования с развитой классовой структурой – Волжская Булгария и Киевская Русь.

В 1960-80-е гг. среди исследователей истории народов Волго-Камья велась довольно оживленная дискуссия об этнической принадлежности памятников азелинского и постазелинского (еманаевско-кочергинского, по Р.Д.Голдиной) круга. Часть ученых рассматривала эти памятники как древнемарийские [Архипов 1973; Халиков 1976; 1989 и др.], другая часть считала носителей этих культур пермянами – предками удмуртов [Генинг 1967; Козлова 1978, с. 45-46; Голдина 1987 и др.]. Сравнительно недавно Т.Б.Никитиной была обстоятельно сформулирована и аргументирована концепция, согласно которой вплоть до второй половины I тыс. н.э. предки марийцев заселяли земли в Ветлужско-Волго-Окском междуречье, т.е. юго-западнее территории проживания современных марийцев. Однако, во второй половине I тыс. они проникли в Вятско-Ветлужское междуречье и постепенно продвигались все далее на восток. В Вятско-Ветлужском междуречье предки марийцев вступили в контакт с местным древнепермским (постазелинским) населением и стали постепенно вытеснять его к востоку и частично ассимилировать. Свидетельством взаимодействия между предками марийцев и постазелинцами является, по Т.Б.Никитиной, смешанный характер вещевого материала некоторых памятников Вятско-Ветлужского междуречья рубежа I-II тыс. н.э. [Никитина 1996, 2002]. Как следствие процесса постепенного вытеснения постазелинского населения прамарийцами из Вятского-Ветлужского междуречья может рассматриваться тот факт, что к X в. юго-западная часть постазелинских (еманаевско-кочергинских, по Р.Д. Голдиной) памятников прекращает существование [Голдина 1999, с. 325].

Данная концепция хорошо согласуется с материалами топонимики, фольклора и исторической лингвистики. На севере и северо-востоке Республики Марий Эл и в соседних районах Кировской области имеется довольно много марийских топонимов, содержащих формант *одо-* (мар. *одо*, *одо-марий* 'удмурт, удмуртский'), в том числе около десятка средневековых городищ, называемых местными марийцами *одо-илем*, букв. 'удмуртское жилье'. Среди яранско-уржумских марийцев и русских записаны предания о былом вытеснении марийцами удмуртов с правобережья Вятки. Среди удмуртов территориального объединения Калмез, проживавших в основном в бассейне р. Кильмези (левый приток Вятки), бытовали предания о том, что некогда их предки жили на правом берегу р. Вятки, но после столкновения с марийцами они были вынуждены покинуть эти края и перебраться на левобережье Вятки [Аккорин 1980, с. 4-5; Архипов 1982, с. 67]. На имевшую место в прошлом ассимиляцию предками марийцев каких-то групп пермян указывают и некоторые особенности марийского языка, позволяющие говорить о наличии в нем пермского субстратного слоя. Этот субстрат обнаруживает себя и в лексике, и в морфологии и в фонетике марийского языка. Особенно ощутимо пермское влияние в диалектах марийцев бывших Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии [Berezcki 1977; Казанцев 1985, с. 52-55, 102].

Вышеприведенные данные можно исторически интерпретировать следующим образом. В эпоху раннего средневековья в Вятско-Ветлужском междуречье на территории современных Малмыжского, Уржумского, Лебяжского, Советского, Пижанского и Яранского районов Кировской области и Мари-Турекского, Сернурского, Ново-Торьяльского, Оршанского районов Республики Марий Эл обитали пермоязычные группы населения, среди которых в качестве самноазвания был распространен этноним **odo(-mort)*, букв. 'человек (из племени) *одо*'. Во второй половине I тыс. и на рубеже I-II тыс. н.э. происходило постепенное вытеснение и частичная ассимиляция этих групп пермян предками марийцев, которые тогда же заимствовали из языка этих пермян их самоназвание – **odo*. Вытесненные на левобережье р. Вятки пермские (древнеудмуртские) группы заселяют ее левые притоки, прежде всего бассейн р. Кильмези, и постепенно проникают на севере до бассейна р. Чепцы (современные Унинский р-н Кировской области и Глазовский р-н Удмуртской республики), а на юге – до бассейна р. Иж (современный Малопургинский р-н Удмуртской республики). В места своего проникновения эти группы приносят и этноним **odo*, постепенно распространяя его, таким образом, по всему праудмуртскому ареалу. В конце концов древний этноним **odo* > *уд(мурт)*, букв. 'человек (из племени) *уд*' получил всеудмуртское распространение и стал самоназванием консолидирующейся удмуртской народности (см. подробнее [Белых, Напольских 1994]).

Новая страница в истории Вятского края открывается на рубеже XII-XIII вв. с проникновением сюда первых славяно-русских переселенцев. Вопрос о времени появления славян в бассейне Вятки на протяжении долгого времени оставался дискуссионным. Камнем преткновения в этой дискуссии являлась степень достоверности знаменитой «Повести о стране Вятской» – литературного памятника летописного типа, составленного не ранее XVII в., но, возможно, написанного с использованием более древних документов, не сохранившихся до наших дней. Согласно «Повести...», отряд новгородских ушкуйников проник в 1174 г. по Волге на Каму, а позднее, спустился на своих судах вниз по р. Чепце к р. Вятке, где новгородцы покорили живших по этим рекам «чудь и отяков», построили в 17 верстах ниже устья Чепцы на случай «нашествия супостат иноверцев чуди и отяков и черемисов и иных народов град Хлынов» и «начаша общежителствовати самовластвующе» [Луппов 1958; 1999, с. 19-20]. Ученые, считавшие сведения этого источника вполне достоверными, относили время появления славянских поселенцев на Вятке к концу XII в., а исследователи, отрицавшие достоверность сведений «Повести...», датировали время появления русских на Вятке XIV столетием, т.е. временем первых упоминаний Вятского края в русских летописях [Луппов 1958; 1999, с. 20; Макаров 2001а; 2003, с. 40].

Лишь привлечение археологических материалов, появившихся в результате проведения масштабных раскопок древнерусских поселений и могильников на Вятке во второй поло-

вине XX в., позволило уточнить дату начала славяно-русской колонизации этого региона. В коллекции находок с русских памятников бассейна Вятки наиболее древними являются вещи, датируемые XII – первой половиной XIII в. Важно отметить, что характер большей части данных находок общерусский, что не позволяет связывать их с каким-то одним конкретным регионом Руси. По всей видимости, следует говорить о притоке славянского населения из разных русских земель, но, прежде всего, с территорий Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества [Макаров 2003, с. 40].

Конец I – начало II тыс. н.э. в истории Древней Руси характеризуются интенсивным освоением земель, лежавших к востоку и северо-востоку от ее границ. Все возрастающая потребность в пушнине стимулировала организацию Великим Новгородом в XI-XIII вв. многократных крупных походов на Европейский Северо-Восток и в Зауралье. К началу XII в. новгородские поселения достигают Подвинья, а со второй половины XII в. русские поселенцы начинают проникать в бассейны рр. Юга, Вычегды, осваивают Волго-Вятское междуречье, появляются даже на территории Волжской Булгарии. Освоение новых земель было ознаменовано соперничеством между новгородцами и ростовцами, в ходе которого ростовцам удалось закрепиться в верховьях Северной Двины, где в 1178 г. ими была заложена крепость Гледень, а несколько позднее – г. Великий Устюг. Проникновение славян на Вятку было, по сути дела, продолжением этого колонизационного движения. Русские вятские поселения в XII-XIII в. охватывали бассейн среднего течения Вятки от устья р. Летки, до рр. Вои и Уржумки. Наряду с целенаправленным освоением территории, сопровождавшимся строительством городов и крепостей, налицо была и стихийная крестьянская колонизация [Макаров 2003, с. 40].

На основании данных целого ряда письменных источников, а также многочисленных и разнообразных фольклорных, топонимических, лингвистических и археологических материалов можно заключить, что взаимоотношения пришельцев и местного населения на первых порах были напряженными и даже порой враждебными. Предания вятских русских и удмуртов, некоторые письменные источники сообщают о военных стычках между русскими и предками удмуртов, иногда привязывая их к конкретным археологическим объектам (Вятское, Никульчинское, Подчуршинское, Котельничское и другие городища). По мнению Л.Д. Макарова, в дальнейшем русским поселенцам удалось установить преимущественно мирные отношения с туземным населением, что также нашло отражение в археологических материалах и в письменных источниках. Одним из результатов этого взаимодействия стало то, что уже к началу XVII в. значительная часть вятских пермян (удмуртов и, возможно, каких-то других пермоязычных групп) растворилась среди местного русского населения [Макаров 1999, с. 115-116; 2001а, с. 22-38; 2003, с. 41].

Удаленность Вятского края от коренных древнерусских земель, известная его изолированность неизбежно ставили его в особое положение в сравнении с другими русскими землями. Можно с уверенностью предполагать, что в домонгольское время Вятка не имела сколько-нибудь прочных связей с какими бы то ни было русскими княжествами и землями. По-видимому такая отстраненность от остального русского мира в последующие времена (в XIV-XV вв.) сыграла свою роль в весьма независимом и часто даже враждебном отношении вятчан к другим русским землям и складывающемуся Русскому централизованному государству. Русское население Вятского края в домонгольское время не было объединено в рамках какой-то единой государственной или политической структуры, а группировалось преимущественно вокруг двух относительно самостоятельных волостных центров – гг. Никулицына и Котельнича. Третьим очагом русского расселения в бассейне Вятки, выделяемым по данным археологии, был бассейн р. Пижмы (правый приток р. Вятки) [Макаров 2003, с. 40, 41].

Лишь после монгольского нашествия на Восточную Европу и последовавшего за ним значительного притока русского населения на Вятку здесь окончательно оформляется самостоятельный и относительно единый политический и экономический организм – Вятская земля. Л.Д. Макаров, основываясь на данных «Повести о стране Вятской», а также на некоторых археологических наблюдениях, приходит к выводу, что Вятская земля сформировалась в

результате договора между Никулицыным и Котельничем об объединении и постройке столицы Вятской земли – города Вятки (Хлынова) в середине XIII в. По мнению Л.Д.Макарова, Вятская земля была феодальной вечевой республикой (по типу Великого Новгорода), управляемой местным боярством, земскими воеводами и *ватаманами*. Впрочем, судить о структуре управления и социальном составе Вятской земли пока еще очень сложно, т.к. эти аспекты лишь бегло упомянуты в одном-единственном источнике – грамоте митрополита Ионы, направленной на Вятку около 1452 г. [Макаров 2003, с. 41].

В отличие от Л. Д. Макарова, говорящего о феодальной вечевой республике, В. В. Напольских (устное сообщение), учитывая отсутствие источников, свидетельствующих о собственно феодальной организации вятского общества и о республиканских институтах, предлагает использовать в отношении населения Вятской земли и его социально-политической структуры термин *предказачество*, имея в виду, что источники формирования населения (выход на «вольные земли» на окраинах Руси), образ жизни (сочетание крестьянского хозяйства с военной активностью и соответствующей организацией, охватывавшей, видимо, всё мужское население) и политическая организация (известно мало, но во всяком случае речь идет об отсутствии вятчан единоличной власти и наличии руководителей, так или иначе опирающихся на одобрение со стороны вольницы) вятчан XIV–XV вв. и казаков XV–XX вв. были близки. Отличие, которым обосновывается приставка *пред-*, состояло в том, что, вятчане не состояли на службе у государя в силу отсутствия такового.

Хозяйственная деятельность вятчан существенно не отличалась от хозяйства жителей других древнерусских земель лесной полосы Восточной Европы. Основой сельского хозяйства вятчан были земледелие и скотоводство. Судя по материалам раскопок на Вятке выращивались рожь, пшеница, овёс, ячмень, полба, гречиха, горох, бобы, лён. На раскопках вятских поселений обнаружено большое количество костей домашних животных. В костном материале численно преобладают кости крупного рогатого скота и свиней, в меньшем количестве встречаются кости лошади и мелкого рогатого скота конопля [Макаров 1995, с. 27-28]. Помимо земледелия и скотоводства существенное место в хозяйстве жителей Вятской земли занимали охота (прежде всего на пушного зверя), рыболовство и, вероятно, бортничество [Макаров 1995, с. 28-29; Макаров 2001а, рис. 51-1-6]. В археологическом материале вятских городов и некоторых сельских поселений отмечены следы бытования различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего и гончарного [Макаров 1995, с. 29; 2001а]. Пока еще крайне мало известно о развитии книжной и письменной культуры в Вятском крае. Однако, факт находки трех металлических писал XIII-XV вв. на Ковровском и Никульчинском городищах говорит о наличии грамотных людей среди вятчан, по крайней мере, среди городского населения [Макаров 1995, с. 31; 2001а].

Переходя к вопросу о торгово-экономических и других связях вятчан с Волжской Булгарией в домонгольское время, необходимо прежде всего заметить, что вопрос этот остается еще явно малоизученным. В условиях практически полного отсутствия письменных источников, имеющих отношение к данной проблеме, остается использовать археологические материалы Вятского края. Нужно сразу же оговориться, что болгарских материалов, обнаруженных в ходе раскопок поселений Вятской земли, имеется очень немного. Большая их часть относится уже к более позднему, ордынскому периоду истории. Лишь сравнительно немногочисленные находки болгарского происхождения либо попавших на Вятку через возможное болгарское посредство и датируемые в весьма широком временном диапазоне от X до XV вв., теоретически хотя бы частично могут быть отнесены к вещам болгарского импорта домонгольского времени. К таковым археологи относят медную бляху, украшенную арабской вязью и растительным орнаментом, найденную на территории Хлыновского кремля и предположительно датируемую XIII-XIV вв.; фрагменты бронзовых замков с Ковровского городища, изготовленные в Волжской Булгарии и бытовавшие там в X-XIV вв.; некоторые фрагменты керамики болгарского и нижневолжского происхождения, ориентировочно датируемые XIII-XV вв. или возможно даже более ранним временем и некоторые другие находки [Макаров 2001б, с. 143-147]. Остается лишь констатировать, что болгарский материал в ар-

хеологии Вятской земли гораздо беднее синхронного ему материала памятников полемско-чепецкой культуры, где в слоях XII-XIII вв. болгарские находки составляют весьма значительную часть извлеченных из земли предметов (см. выше раздел «Бассейн р.Чепцы в волжско-болгарскую эпоху»).

Отдельную проблему составляет вопрос о возможном проникновении болгарского населения в бассейн р.Вятки в домонгольское время. На сегодняшний день практически ничего об этом уверенно сказать невозможно, в то время как можно утверждать, что славянское население на территории Волжской Булгарии появляется не позднее рубежа XII-XIII вв. [Макаров 2001б, с. 145; 2003, с. 40].

Таким образом, взаимодействие вятского славянского населения с Волжской Булгарией в домонгольское время прослеживается очень слабо, однако, можно предполагать, что, в отличие от чепецкого населения и, вероятно, населения юга Камско-Вятского междуречья, вятчане сохраняли полную экономическую и политическую независимость от болгарского государства.

Литература:

Акцорин В.А. 1980. Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола

Архипов Г.А. 1973. Марийцы в IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1976. К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийского народа // Археология и этнография Марийского края. Вып. 1. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А. 1982. Марийско-удмуртские этнокультурные связи. К вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Белавин А.М. 1990. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Белавин А.М. 1991. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л.

Белых С.К. 1999. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Белых С.К., Напольских В.В. 1994. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы ? // *Linguistica Uralica*. - т. XXX (4). Tallinn.

Генинг В.Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск.

Генинг В.Ф. 1963. Азелинская культура III-V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1967. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Свердловск.

Генинг В.Ф. 1980. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э.: по материалам Варнинского могильника // Новый памятник полемской культуры. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.

Генинг В.Ф. 1989. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.

- Генинг В.Ф. 1990. Вопросы периодизации археологических эпох (Прикамье в эпоху племенного строя) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.
- Голдина Р.Д. 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Голдина Р.Д. 1995. О датировке полемской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Голдина Р.Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Иванов А.Г. 1994. Средневековые памятники бассейна реки Чепцы (проблема периодизации) // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар.
- Иванов А.Г. 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Автореферат кандидатской диссертации. СПб.
- Иванов А.Г. 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск.
- Иванов А.Г. 1999. Новые материалы по ранней дате полемской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.
- Иванов В.А. 1990. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Иванова М.Г. 1976. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1979. Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1990. Удмуртско-болгарские связи в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Иванова М.Г. 1989. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1994. Истоки удмуртского народа. Ижевск.
- Казанцев Д.Е. 1985. Формирование диалектов марийского языка. В связи с происхождением марийцев. Йошкар-Ола.
- Козлова К.И. 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.
- Лещинская Н.А. 1984. Средневековые поселения на левобережье р.Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Лещинская Н.А. 1988. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Луппов П.Н. 1958. История города Вятки. Киров.
- Луппов П.Н. 1999. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Ижевск.
- Макаров Л.Д. 1978. Исследования в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области // Археологические открытия 1977. М.
- Макаров Л.Д. 1995. Русские поселенцы на берегах Вятки // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4: История. с. 76-91.
- Макаров Л.Д. 1999. Славяно-русское население на территории Удмуртии: история и современность // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. Российский научный междисциплинарный журнал. СПб. – Ижевск. № 3-4.
- Макаров Л.Д. 2001а. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск.
- Макаров Л.Д. 2001б. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань

- Макаров Л.Д. 2003. Вольный характер. Русские поселенцы на Вятке // Родина. № 12. М.
- Мухамедова Р.Г. 1978. Чепецкие татары. Краткий исторический очерк // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань.
- Никитина Т.Б. 1996. К вопросу об истоках марийского этноса // Финно-угроведение. № 2. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б. 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола.
- Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск.
- Перевошиков С.Е. 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск.
- Розенфельдт Р.Л. Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. (Археология СССР). М.
- Семенов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск.
- Семенов В.А. 1982. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Халиков А.Х.. 1976. Об этнических основах марийского народа // Археология и этнография Марийского края. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х. 1989. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Хлебникова Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Ютина Т.К. 1994. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии. Автореферат кандидатской диссертации. Ижевск.
- Belykh S.K. 2002. The disintegration of the Proto-Permian community. On the history of studies // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Band 24/25. Hamburg.
- Bereczki G. 1977. Permi-cseremisiz lexikalis kölcsönzések // Nyelvtudományi közlemények, 79 / 1-2. Budapest.